

УДК [811.161.1:811.512.111:811.111]³67.522

*Г.И. Шпарева***СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНВЕРСИИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ: В РУССКОМ, ЧУВАШСКОМ И АНГЛИЙСКОМ**

В статье приводятся результаты сравнительно-сопоставительного анализа употребления инверсии как экспрессивной синтаксической конструкции в художественной литературе на русском, чувашском и английском языках. Раскрывается объем понятия «инверсия». Определяются функции инверсии. Автор проводит анализ словоупотребления повествовательного предложения в рассматриваемых языках. Отмечается, что порядок слов в повествовательном предложении в русском и чувашском языках можно назвать условно свободным, в то время как в английском языке порядок слов в предложении строго определен и его изменение может привести к изменению смысла предложения. Подчеркивается, что инверсия характерна для всех трех исследуемых языков. Анализируются виды используемой инверсии. Выявляются некоторые особенности и отличия видов инверсии в разноструктурных языках. Синтаксическая инверсия рассматривается как эффективное средство создания ярких, эмоциональных картин в художественных произведениях и акцентирования внимания читателя на отдельных членах предложения в соответствии с интенциями писателя.

Ключевые слова: инверсия, художественная литература, функции инверсии, порядок слов в предложении, виды инверсии, экспрессивность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-434-443

В каждом языке существует в той или иной степени общепринятый порядок слов при построении предложения. Изменение такого словоупотребления с целью придания выделенному слову или словосочетанию дополнительного значения в лингвистике называется инверсией. В данной статье мы рассматриваем инверсию как средство создания экспрессивности высказывания в трех разноструктурных языках: в русском, чувашском и английском. При этом под экспрессивностью мы понимаем совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [11].

Инверсия, как лингвистическая категория, широко изучалась И.В. Арнольд, Ш. Балли, И.Р. Гальпериным, И.И. Ковтуновой, А.И. Смирницким. Изучению инверсии в разных жанрах и с точки зрения разных аспектов ее функционирования посвящены исследовательские работы М.А. Адоскиной, В.Г. Будыкиной, А.З. Тавасиевой, Д.А. Титаренко и многих других. Достаточно широко инверсия изучается в английском языке: Б. Бирнер, С.Г. Долженко, Т.А. Знаменская, В.А. Кочетова, А.Н. Мороховский, Ю.А. Никитина, Д. С. Шишкин и многие другие. Исследованием словоупотребления в чувашском предложении, а также изучением синтаксиса чувашского языка в целом посвящены работы И.А. Андреева, Н.И. Ашмарина, А.В. Емельяновой, И.П. Павлова, Н.П. Петрова и др. В целом, инверсия, как лингвистическое явление, достаточно часто привлекает к себе внимание исследователей как русского, так и английского языков, однако сопоставительный анализ ее функционирования в разноструктурных языках проводится впервые, в чем и заключается новизна данного исследования.

Цель данной работы – провести сравнительно-сопоставительный анализ употребления стилистической инверсии как экспрессивной синтаксической конструкции в разноструктурных языках: в русском, чувашском и английском. Здесь необходимо отметить, что вышеназванные языки характеризуются своим, особым, отличным от двух других, нейтральным, или прямым, неинвертированным порядком слов в предложении.

Материалом для исследования послужили произведения русской, чувашской и английской художественной литературы.

В лингвистике существует ряд определений инверсии, которые описывают это понятие. Согласно О.С. Ахмановой, инверсия – «нарушение обычного расположения (порядка следования) составляющих предложение слов и словосочетаний, в результате чего «переставленный» элемент предложения оказывается выделенным и таким образом привлекает к себе внимание (приобретает особую психологическую или стилистическую коннотацию)» [4. С. 176]. Я. Зунделович понимает под инверсией изменение порядка в расположении частей предложения, которые могут преследовать как логи-

ческие, так и чисто звучальные цели [8]. О звучальной, или ритмообразующей, функции инверсии в стихотворных текстах говорит так же и В.Д. Стариченок:

*В поле чистом,
Луны при свете серебрястом,
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна (А. Пушкин) [17. С. 215].*

Он обращает наше внимание на смысловую, ритмообразующую, а также стилистическую функции инверсии и раскрывает это понятие следующим образом: «Инверсия – перестановка обычного (нейтрального) порядка слов в предложении с целью подчеркивания смысловой значимости, поэтической выразительности отдельных слов или придания всей фразе своеобразной интонации, стилистической окраски, торжественности, возвышенности» [17. С. 214-215].

Отметим, что В.М. Алпатов рассматривает инверсию в широком и узком понимании. В широком понимании инверсия – любое отклонение порядка членов предложения от наиболее распространённого. Инверсия в этом значении, т. е. как грамматическое средство, широко встречается при построении вопросов в германских и романских языках, например:

*He is ready. Он готов.
Is he ready? Готов ли он?*

В узком понимании, по мнению В.М. Алпатова, инверсия – такое отклонение от порядка членов предложения, которое не связано с изменением синтаксических связей и актуального членения предложения. Одним из таких типов инверсии является постановка ремы перед темой в целях эмпазы, обычно сопровождаемая интонационным выделением ремы:

Интересный фильм я вчера видел [2].

В.М. Алпатов также указывает на то, что в поэтической речи такая инверсия связана с требованиями размера и рифмы:

*Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьётся о берег в вражде бесполезной,
И лижет утёсы голодной волной... (А.С. Пушкин).*

Инверсия, по мнению В.М. Алпатова, может использоваться и в стилистических целях. Например, в русском языке, он говорит, постпозиция прилагательного – определения может делать речь более торжественной или архаизированной [2].

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить следующие функции инверсии:

- 1) грамматическая (свойственна германским языкам и употребляется для построения различных грамматических форм предложения);
- 2) коммуникативно-логическая (когда говорящий намеренно выдвигает на первый план наиболее значимую часть высказывания);
- 3) ритмообразующая (или звучальная);
- 4) стилистическая (или экспрессивная).

В данной работе мы не ставим целью рассмотрение и анализ всех функций и видов инверсии в лингвистике. Для нашего исследования особый интерес представляет стилистическая (или экспрессивная) функция инверсии.

При непосредственном общении человек может выражать экспрессию с помощью мимики, жестов. Когда автор литературного произведения хочет выразить настроение, придать эмоциональную окраску или передать читателю особый посыл, он использует различные экспрессивные инструменты, в том числе синтаксическую инверсию, выполняющую функцию стилистической окраски или интонационного усиления. Инвертированный порядок слов в предложении при этом противопоставляется нейтральному словопорядку, принятому в данном языке.

Рассмотрим устоявшийся прямой (нейтральный, обычный) порядок слов в повествовательном предложении в каждом из трех исследуемых языков. Согласно Д.Э. Розенталю, «порядок слов в предложении – взаимное расположение членов предложения, имеющее синтаксическое, смысловое и стилистическое значение». Порядок слов прямой – наиболее обычное для данного типа предложений (повествовательных, вопросительных, побудительных) расположение соотносительных членов пред-

ложения. Стилистическая функция порядка слов выражается в том, что член предложения, оказавшийся на необычном для него месте, получает добавочную смысловую и экспрессивную нагрузку [15. С. 218-219]. Так, в русском языке, как указывает Д.Э. Розенталь, в повествовательных предложениях подлежащее обычно предшествует сказуемому:

Саня приподнялся на локте и прямо в упор смотрел на Филю (В.М. Шукшин).

Ставится после сказуемого:

а) подлежащее, обозначающее отрезок времени или явление природы: *Пришла весна.*

б) подлежащее в авторских ремарках, включаемых в драматические произведения: *Уходят все, кроме Ани.*

в) подлежащее в авторских словах после прямой речи: *«Шестьдесят пять ровно?», – спросил он.*

г) подлежащее в предложениях описательного характера: *По воскресеньям наваливалась особенная тоска (В. М. Шукшин) [15. С. 218-219].*

Кроме того, в русском языке дополнение обычно стоит после управляющего слова, согласованное определение обычно предшествует определяемому существительному, несогласованное определение обычно ставится после определяемого существительного, обстоятельства образа действия, меры и степени, а так же обстоятельства времени и места обычно предшествуют глаголу-сказуемому, а обстоятельства причины и цели могут быть препозитивными и постпозитивными. Обстоятельства условия и уступки более или менее свободно размещаются в предложении [15]. При всем при этом, русский язык относится к группе языков, в которых порядок слов в предложении является условно свободным. Грамматическая форма русского слова, следовательно, и его связь с другими словами в предложении выражены в основном окончаниями. Поэтому в русском языке изменение порядка слов в предложении не вызывает изменения смысловых отношений между членами предложения. Однако необходимо отметить, что наиболее сильное ударение в любой конструкции русского языка падает на ее последний член [10]. Т. е. любое эмоционально-нейтральное повествовательное русское предложение несет в себе основной посыл именно в его конце, что наглядно прослеживается при актуальном членении предложения на тему и ремю.

Несмотря на то, что в русском языке порядок слов в предложении отличается большой гибкостью, синтаксическая инверсия в функции экспрессивного усиления широко применяется не только в произведениях художественной литературы, но и во многих других жанрах: публицистическом, научно-техническом, разговорном, в судебной речи и т.д. При этом, в наиболее выигрышном положении, как указывает Д.Э. Розенталь, оказывается тот член предложения, который выносится в его начало (если только это место не является для него обычным) или, наоборот, отодвигается в конец предложения, особенно если в абсолютном конце предложения сообщается нечто новое [15. С. 93].

Рассмотрим примеры инвертированных предложений в русском языке:

Он вышел. Грохнула дверь за спиной (С. Довлатов).

Попался навстречу дед, с которым они вчера беседовали на сон грядущий (В.М. Шукшин).

Царит, повторяясь и переливаясь, мнимая тишина (В. Шкловский).

Инверсия сказуемого в начало предложения в вышеприведенных примерах передает интенцию авторов акцентировать внимание читателя на действии, выраженном сказуемым. Она использована для эмфатического выделения и остановки внимания читателя на самом действии. Очевидно, что интонационный рисунок данных предложений приобретает экспрессивный оттенок.

В русской поэзии инверсия является очень популярным приемом стилистической экспрессии. Яркие примеры инверсии встречаются в поэзии Сергея Есенина:

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.*

Несмотря на гибкость общепринятого порядка слов при построении предложения в русском языке, в вышеприведенных строках стихотворения Сергея Есенина инверсия четко выражает приоритеты в событиях и отношении автора к происходящему. Инверсия, как синтаксический прием, изменяет семантическое содержание использованных членов предложения. При этом в данном примере она тесно перекликается с лексическим повтором, что еще более усиливает экспрессивный посыл автора.

Добавочную смысловую и экспрессивную нагрузку в нижеприведенном примере получает начальная и конечная позиция в предложениях:

На лице его постоянно блуждала **рассеянная и одновременно тревожная улыбка. Интеллекта по ней можно узнать даже в тайге** (С. Довлатов).

Таким образом, при всем многообразии вариантов распределения членов предложения внутри одного высказывания и достаточно гибкой системе построения русского предложения, инверсия как экспрессивный синтаксический прием достаточно широко используется не только в художественной литературе, но и в других жанрах и может выражаться в:

а) инверсии сказуемого:

Одет он был в широкое щегольское легкое пальто... (Ф.М. Достоевский).

б) инверсии дополнения:

Да все можно давать... Супу, чаю... **Грибов да огурцов, разумеется, не давать...** (Ф.М. Достоевский).

А ведь корову-то, братик-сударик, у тебя продать надо! (М. Е. Салтыков-Щедрин);

Всех бы она учила жить, всех бы судила (В.М. Шукшин);

в) инверсии определения:

А вот отчего: он у меня мужик умный (И.С. Тургенев).

Дерзкое свое предприятие она, по-видимому, зрело обдумала (М.Е. Салтыков-Щедрин).

г) инверсии обстоятельства:

И Дунька и Матренка бесчинствовали несказанно (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Тихо плакали на кладбище. Именно – тихо, в уголки полушалков, в ладони, вздыхали, осторожно, точно боялись люди, что нарушат и оскорбят тишину, которая нужна в эту минуту (В.М. Шукшин).

А к дочери-то, почему не едешь? (В.М. Шукшин).

д) инверсии подлежащего:

– Ну, чего ругался ямищик-то этот? (Л.Н. Толстой).

Рассматривая порядок слов в чувашском предложении, необходимо отметить, что он выполняет две основные функции: во-первых, выделяет предмет сообщения, во-вторых, смысловое ядро высказывания. Слово (или группа слов), обозначающее предмет сообщения, обычно располагается в начале предложения, а слово (или группа слов), выражающее смысловое ядро высказывания, располагается непосредственно перед сказуемым. Благодаря этим двум особенностям словоупотребление в чувашском предложении внешне кажется свободным. Фактически он всегда определяется смыслом высказывания [З. С. 63]. В стилистически нейтральном чувашском повествовательном предложении определение обычно ставится перед существительным, вопросительное слово обычно ставится перед сказуемым, в именных группах поясняющие слова всегда располагаются впереди поясняемого (главного), деепричастные конструкции, как и причастные, могут стоять в начале, середине или в конце предложения [З. С. 63]. Таким образом, в чувашском языке структура предложения строится по принципу – предмет речи и сообщение о предмете речи и имеет следующую схему: определение, подлежащее, дополнение или обстоятельство, сказуемое. В отличие от большинства европейских языков, в чувашском языке глагол стоит в конце предложения:

*Ман сумка йывър паян, тёрёслемелли тетрадьсене **илтём*** (А.И. Павловская) «Моя сумка тяжелая сегодня, на проверку тетради взяла».

*Качча инструктор иккёмёш хута ертсе **кайрё*** (Е. Лисина) «Молодой инструктор на второй этаж поднялся».

Нельзя не отметить, что литературные произведения на чувашском языке в большинстве своем очень экспрессивны, особенно поэзия. Для выражения эмоциональности, настроения, с целью донести до читателя всю палитру красок, авторы часто прибегают к использованию синтаксической инверсии. Наиболее полно и ярко инверсия, как способ стилистической экспрессии, представлена в творчестве чувашского поэта К.В. Иванова:

Вёрет, сурать сарӑ кин
Хӑй яшкине пӑтратса;
Хуран айӗ сӗлен нек,
Сунать вучӗ явӑнса (К. Иванов).

Дует, плюется невестка
Свой суп помешивая;
Под котелком, словно змея,
Горит и извивается огонь.

Тем не менее, инверсия, как эффективный способ создания экспрессивности, широко используется не только в чувашской поэзии, но и в прозе, например, в произведениях известного чувашского прозаика Е. Лисиной:

Пурйнасçĕ кайăк-ялта йăл-йăл куç харшиллĕ, утмăл-турат пек кăвак куçлă е кĕр каçĕ пек хура çуçлĕ, хура куçлă та йăлтăр кулăллă **хĕрчасем**. **Пурйнасçĕ** унта ши-и (Е. Лисина) «Живут в птичьей деревне с улыбающимися речниками, васильковыми глазами, как осенняя ночь волосами, с черными глазами и блестящим смехом девушки. Живут там ведь».

В вышеприведенном примере глагол, который согласно правилам построения предложения в чувашском языке, должен находиться в конце предложения, выдвинут в начало предложения. Инверсия сказуемого использована для экспрессии действенности и подчеркивает эмоциональный посыл автора произведения, что подтверждается повторным использованием глагола в последующем предложении.

Так же, как и в русском языке, экспрессивная функция инверсии в чувашском языке проявляется: а) в инверсии сказуемого:

Килчĕ ырă çуркунне,

Килчĕ, ячĕ йăйтса (К. Иванов)

Пришла добрая весна,

Пришла, принесла тепло.

Типĕтнĕ икĕ пулă та икĕ пашалу пирĕн унта (Хветĕр Уяр)

Высохло две рыбы и две лепешки у нас там.

б) в инверсии дополнения:

Хыçла пуканесене те Çемен тунă (А. И. Павловская)

И стулья со спинкой Семен сделал.

Виçĕ кунăсçă пукансем çине ларчеç (А. И. Павловская)

Три гармошки на стулья поставили.

в) инверсии определения:

Пуш уйăхăн вĕçĕнче

Хĕвел пăхрĕ йăйтса,

Силпи чăваши ялĕнче

Юр ирĕлчĕ васкаса.

Тусем, сăртсем **хун-хура**

Юрĕ кайса пĕтнĕрен,

Тухать курăк **çăп-çăра**

Хĕвел хытă хĕртнĕрен (К. Иванов).

В конце марта месяца

Солнце выглянуло и стало тепло,

В чувашской деревне Силпи

Снег растаял быстро.

Холмы, пригорки черные

От того, что снег растаял,

Всходит трава густая

От того, что солнце сильно греет.

г) инверсии обстоятельства:

Пирĕн енче пула тĕрлĕ майпа тытаççĕ: **ушкăнна пулсан – сĕрекепе, пĕччен-иккĕн – атмана, шакапа, вăлтапа, алапа...** (Хветĕр Уяр)

В нашей местности ловят рыбу разными способами: если группой – сетью, если один или вдвоем – сачком, наметкой, удочкой, решетом.

Стена çинче Семенне Юрик сăнукерчĕкĕсем малалла мĕн пулатъ-ха тенĕ пек шарламасăр пăхса ларнă (А. Павловская)

На стене Семен с Юриком с фотографии молча сидели и смотрели, как будто говорили: «Что еще впереди будет».

Чул сичче ларать-мён ача (Хветёр Уяр)

На камне, оказывается, сидит ребенок.

д) инверсия подлежащего:

Паян, каçхи апат вăхăтёнче, тирён каллех **çăкăр** ситмерё (Е. Лисина).

Сегодня к ужину нам опять хлеба не хватило.

Инвертированный порядок слов в вышеприведенных примерах придает высказываниям экспрессивный характер, акцентирует внимание читателя на выдвигаемом члене предложения, вследствие чего интонационный рисунок каждого предложения перестает быть нейтральным и приобретает эмоциональную окраску. Необходимо подчеркнуть, что инверсия определения и подлежащего в чувашской художественной прозе встречается крайне редко, но вполне характерна для поэзии и разговорного жанра.

В отличие от русского и чувашского языков, где порядок слов в предложении можно считать условно свободным, английский язык характеризуется строгим устоявшимся порядком слов в предложении. Если русский и чувашский языки по классификации А. Шлейхера относятся к синтетическим языкам, то английский язык – это язык аналитического строя, для которого чаще всего характерно раздельное выражение лексического и грамматического значения слова в предложении. В английском языке мало грамматических окончаний и суффиксов, поэтому отношения между членами предложения выражаются главным образом при помощи порядка слов в предложении. Его изменение может привести к изменению смысла предложения:

Ann saw Jack in the park yesterday. (Энн видела Джека в парке вчера).

Jack saw Ann in the park yesterday. (Джек видел Энн в парке вчера).

Построение членов предложения обычно имеет следующую последовательность: подлежащее, сказуемое, дополнение. обстоятельство может находиться в трех позициях: после дополнения, перед подлежащим, а также между вспомогательным и основным глаголом. Нарушение вышеуказанного порядка построения предложения являет собой инверсию. В английском языке различают грамматическую инверсию и стилистическую инверсию. Грамматическая инверсия используется для построения грамматических структур, например вопросительных, отрицательных, восклицательных или побудительных предложений и не является объектом нашего исследования. В данной работе мы изучаем случаи стилистической инверсии, которая подразумевает заведомое нарушение порядка слов для создания экспрессивности и эмфатического выделения того или иного члена предложения.

Так как грамматический строй английского языка отличается от грамматического строя русского и чувашского языков и характеризуется достаточно большим количеством существующих в нем вспомогательных, а также модальных глаголов, составных форм сказуемого, то вполне объяснимо, что и виды инверсии в английском языке несколько отличаются от видов инверсии в русском и чувашском языках. Это отличие заключается в том, что инверсия в английском языке может быть полной и частичной. При полной инверсии происходит перемещение всего члена предложения или его группы относительно других членов предложения:

To myself my entrance seemed excessively awkward (S. Maugham).

Мне самому мое появление показалось неловким.

При частичной инверсии происходит перемещение лишь части члена предложения или его группы относительно других членов предложения:

Away Laura flew, still holding her piece of bread-and-butter (K. Mansfield).

Прочь Лора улетела, все еще держа свой бутерброд с хлебом и маслом.

В данном примере составное именное сказуемое *flew away* инвертировано не полностью, а только его предложная часть, что использовано автором намеренно, для акцентирования внимания читателя на направлении движения «прочь».

Частичная стилистическая инверсия широко используется в английской разговорной речи для придания речи добавочной экспрессивной нагрузки:

Interesting the book is! Would you like to read it?

Какая интересная книга! Хочешь почитать?

A bug I saw there!

Жука я видела там!

Инверсия в английском языке проявляется не только в выдвигании выделяемого члена предложения на первую или последнюю позицию в предложении, как в русском и чувашском языках, но

и во взаимном перемещении членов предложения относительно друг друга. Стилистическая инверсия в английском языке, так же как в русском и чувашском языках, свойственна всем членам предложения и обычно служит для эмфатического выделения ремы:

Away she skimmed, over the lawn, up the path, up the steps, across the veranda, and into the porch (K. Mansfield).

Она скользнула прочь, пересекла лужайку, поднялась по дорожке, поднялась по ступенькам, пересекла веранду и вышла на крыльцо.

В вышеуказанном примере мы наблюдаем частичную инверсию сказуемого. Предлог составного именного сказуемого поставлен автором на первое место в предложении для придания поэтичности высказыванию и, при одновременном использовании параллелизма конструкции, создания картины удаляющегося движения, прочь от читателя.

The front door bell pealed, and there sounded the rustle of Sadie's print skirt on the stairs (K. Mansfield).

Раздался звонок в парадную дверь, и там, на лестнице послышался шорох ситцевой юбки Сэди.

В данном предложении обращает на себя внимание намеренно инвертированный порядок слов: сказуемое становится перед подлежащим, тем самым притягивая внимание читателя к самому действию, усиленному к тому же указательным местоимением *there*.

Интересен случай инверсии определения в следующем примере:

Sadie answered, careless, "I'm sure I don't know. Wait. I'll ask Mrs. Sheridan" (K. Mansfield).

Сэди небрежно ответила: "Я уверена, что не знаю. Подождите. Я спрошу Миссис Шеридан".

В стилистически нейтральном предложении вместо определения 'careless' должно было бы стоять обстоятельство образа действия (как? – небрежно 'carelessly'), что мы и видим при переводе на русский язык. Однако автор использует определение *careless* 'безразличная', 'беззаботная', обособляя его, как бы делая паузу и останавливая внимание читателя на состоянии героини.

В приведенных ниже предложениях мы также наблюдаем инверсию, передающую экспрессивную подачу информации и выделяющую отдельные моменты в высказываниях в соответствии с интенциями авторов:

To me he was a wonder (M. Twain).

Для меня он был чудом.

Thus he grew in body and soul, and with him his clothes seemed to grow and arrange themselves; coat sleeves got longer, cuffs appeared, and collars got less soiled (W. E. B. Du Bois).

Так он рос телом и душой, и вместе с ним его одежда, казалось, росла и приводилась в порядок; рукава сюртука удлинялись, появлялись манжеты, а воротнички становились менее грязными.

For convenience, the most familiar image should come first (H. Adams).

Для удобства самый привычный образ должен быть первым.

On closer inspection you might notice his thin sensitive ears and sharp eyes with cunning tan-spots above them (J. Muir).

При ближайшем рассмотрении вы могли бы заметить его тонкие чувствительные уши и зоркие глаза с хитрыми рыжевато-коричневыми пятнами над ними.

Сравнительно-сопоставительный анализ описанных в работе случаев использования инверсии в русском, чувашском и английском языках позволяет сделать следующие выводы:

1. стилистическая инверсия – это один из эффективных и широко используемых способов построения экспрессивных синтаксических конструкций в художественной литературе во всех трех исследуемых языках: русском, чувашском и английском;

2. несмотря на то, что в языках с условно свободным порядком слов (русском и чувашском) все члены предложения могут свободно перемещаться в рамках одного предложения, случаи инверсии хорошо различимы и понятны читателю. Инвертированные члены предложения в этих языках занимают первые, как самые яркие и смыслообразующие позиции в предложении, либо ставятся в конец предложения, если только эта позиция не является для них обычной;

3. инверсия в английском языке, в отличие от инверсии в русском и чувашском языках, может быть полной и частичной.

4. если в русском и чувашском языках инвертированные члены предложения ставятся либо в начало предложения, либо в его конец, то в английском языке инверсия в предложении проявляется во взаимном перемещении членов предложения относительно друг друга, т.е. при строгом порядке

слов в английском предложении инвертированные члены могут занять любую позицию в предложении, несвойственную им, тем самым меняя интонационный рисунок предложения и усиливая экспрессивность.

5. во всех трех языках: русском, чувашском и английском инверсия свойственна всем членам предложения: подлежащему, сказуемому, определению, дополнению и обстоятельству. Однако нами было выявлено, что инверсия определения и подлежащего в чувашской художественной прозе встречается крайне редко, но вполне характерна для поэзии и разговорного жанра.

Таким образом, инверсия, как один из видов экспрессивных синтаксических конструкций, является эффективным средством создания ярких, эмоциональных картин в художественных произведениях и акцентирования внимания читателя на отдельных моментах в предложении в соответствии с интенциями автора. Дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ использования синтаксической инверсии в разноструктурных языках, возможно, выявит дополнительные особенности и будет интересен лингвистам, занимающимся изучением экспрессивного синтаксиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984. 211 с.
2. Алпатов В.М. Инверсия // Большая Российская Энциклопедия [Электронный ресурс]: URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2007386> (дата обращения 23.12.2019).
3. Андреев И.А. Чувашский язык. Начальный курс. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1996. 295 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 580 с.
5. Довлатов С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. СПб.: Азбука, 2000. 496 с.
6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом / Вступ. ст. С. Кирпичникова; коммент. Г. Когана и Г. Фридендера. М.: Мир книги, Литература, 2008. 512 с. (Бриллиантовая коллекция).
7. Есенин С.А. Отговорила роща золотая: [стихотворения и поэмы]. М.: Эксмо, 2007. 352 с.
8. Зунделович Я. Инверсия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. С. 297-298.
9. Иванов К.В. Нарспи : [поэма]; [худож. В. Праски]; Чăваш патшалăх гуманитарнĕ йăслăлăхĕсен институтĕ; УАО «Электроприбо». Шупашкар, 2008. 42 с.
10. Ковтунова И.И. О понятии инверсии // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 167-171.
11. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
12. Лисина Е.Н. Суйласа илнисем: калавсем, повессем, пьеса. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2014. 447 с.
13. Лисина Е.Н. Тепĕр сул та килетпĕр [Текст] : повессем / Е. Лисина. Шупашкар, 1989. 399 с.
14. Павловская А.И. Вĕрене шывĕ те пылак: роман. Виçĕмĕш кĕнеке. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2016. 391 с.
15. Розенталь Д.Э. , Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд. испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
16. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города; Господа Головлевы: Романы; Сказки / Вступ. ст. С. Макашина. М.: Мир книги, Литература, 2008. 512 с.
17. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811[1] с.
18. Толстой Л.Н. Повести и рассказы / Вступ. ст. О. Дорофеева; Комментар. В. Линкова. М.: Мир книги, Литература 2008. 448 с.
19. Тургенев И.С. Записки охотника: Книга рассказов; Ася; Муму; Первая любовь: Повести / Вступ. ст. М. Еремينا; Комментар. М. Латышева, В. Марковича, Л. Долотовой. М.: Мир книги, Литература, 2008. 448 с.
20. Хветĕр Уяр. Āста ес, тинĕс?: Повесть, калавсем, тĕрленчĕсем / Хветĕр Уяр. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. 255 с.
21. Шекспир У. Сонеты. На англ.яз. с параллельным русским текстом / Сост. А.Н. Горбунов. М.: Радуга, 1984. 368 с.
22. Шукшин В.М. Рассказы. Повести. 2-е изд., стер. М.: Дрофа, 2003. 464 с.
23. Maugham S. The Moon and Sixpence / Somerset Maugham. Moscow: Progress Publishers, 1972. 240 p.
24. The Best American Essays of the Century. Edited by Joyce Carol Oats. Houghton Mifflin Company, 2000. 596 p.
25. 50 Great Short Stories. Edited by Milton Crane. Bantam Dell. A Division of Random House, Inc., 2005. 571 p.

Шпарева Галина Ивановна, аспирант, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2
 ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
 428015, Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15
 E-mail: galshpareva@gmail.com

G.I. Shpareva

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE USE OF INVERSION
 IN STRUCTURALLY DIFFERENT LANGUAGES: RUSSIAN, CHUVASH AND ENGLISH**

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-3-434-443

The article presents the results of the comparative analysis of the use of inversion as an expressive syntactic construction in the Russian, Chuvash and English fiction. The scope of the concept of "inversion" is revealed. The functions of inversion are determined. The author analyzes the word order in the affirmative sentence in the reviewed languages. It is noted that the word order in an affirmative sentence in the Russian and Chuvash languages can be called relatively free, while in English the word order in a sentence is fixed and its changes can lead to a change in the meaning of the sentence. It is stated that inversion is typical for all three considered languages. The types of inversion are analyzed. Some features and differences of types of inversion in structurally different languages are revealed. The syntactic inversion is reviewed as an effective means of creating vivid, emotional pictures in fiction and focusing the reader's attention on definite parts of the sentence in accordance with the intentions of the writer.

Keywords: inversion, fiction, inversion functions, word order in a sentence, types of inversion, expressiveness.

REFERENCES

1. Aleksandova O.V. Problemy expressivnogo sintaksisa. Na materiale angliiskogo yazyka [The Problems of expressive syntax. On the materials of the English Language]: Ucheb. Posobiye [Study Guide]. Moscow, Higher School, 1984, 211 p. (In Russian).
2. Alpatov V.M. Inversiya [Inversion] // Bolshaya Rossiiskaya Entsiklopediya [Big Russian Encyclopedia]: URL: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2007386> (In Russian).
3. Andreev I.A. Chuvashskiy yazyk. Nachalny kurs [The Chuvash Language. For beginners]. Cheboksary, Chuvash book publishing house, 1996, 295 p. (In Russian).
4. Akhmanova O.S. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Publishing house "Soviet encyclopedia", 1969, 580 p. (In Russian).
5. Dovlatov S. Sobraniye sochineniy: V 4 t. T. 2. [Collected works in 4 volumes. V 2]. St. Petersburg, Azbuka, 2000, 496 p. (In Russian).
6. Dostoevsky F.M. Prestupleniye i nakazaniye: Roman v 6 chastyakh s epilogom [Crime and punishment: a novel in six parts with an epilogue]. Moscow, World of books, Literature, 2008, 512 p. (In Russian).
7. Esenin S.A. Otkovorila roscha zolotaya: poems [Dissuaded golden grove: poems]. Moscow, Exmo, 2007, 352 p. (In Russian).
8. Zundelovich Ya. Inversiya [Inversion]. Literaturnaya entsiklopediya: Slovar literaturnykh terminov: V 2-kh t. [Encyclopedia of Literature. Vocabulary of terms of Literature in 2 volumes]. Moscow, Publishing house of L.D. Frenkel, 1925, pp. 297–298. (In Russian).
9. Ivanov K.V. Narspy: poema [Narspy: poem]. Cheboksary, The Chuvash Humanities University Press, 2008, 42 p. (In Chuvash).
10. Kovtunova I.I. O ponyatii inversii [On the concept of inversion] // Problemy sovremennoy filologii [Problems of modern philology]. Moscow, 1965, pp. 167-171. (In Russian).
11. Lingvistichesky entsiklopedichesky slovar [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Publishing house "Soviet encyclopedia", 1990, pp. 591. (In Russian).
12. Lisina E.N. Suylasa ilnise: kalavsem, povestsem, pyesa [Those elected: stories play]. Cheboksary, Chuvash book publishing house, 2014, 447 p. (In Chuvash).
13. Lisina E.N. Teper sul ta kiletper: povestsem [We'll come next year too: stories] Cheboksary, 1989, 399 p. (In Chuvash).
14. Pavlovskaya A.I. Verene shuve de pylak: roman. Vishemesh keneki [Boiled water is also sweet: novel. Volume 3]. Cheboksary, Chuvash book publishing house, 2016, 391 p. (In Chuvash).
15. Rozental D.E., Telenkova M.A. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobiye dlya uchitelya [Dictionary-reference of linguistic terms: teacher's guide]. Moscow, Prosveshcheniye, 1985, 399 p. (In Russian).
16. Saltykov-Shchedrin M.E. Istoriya odnogo goroda; Gospoda Golovlevy: Romany; skazki [History of a city; Messrs. Golovlev: Novels; fairy tales]. Moscow, World of books, Literature, 2008, 512 p. (in Russian).

17. Starichenok V.D. Bolshoy lingvisticheskiy slovar [Large linguistic dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Press, 2008, 811p. (In Russian).
18. Tolstoy L.N. Povesti i rasskazy [Stories]. Moscow, World of books, Literature, 2008, 448 p. (in Russian).
19. Turgenev I.S. Zapiski okhotnika: Kniga rasskazov; Asya; Mumu; Pervaya ljubov: povesti [Notes of the hunter: a book of stories; Asya; Mumu; First love: Stories]. Moscow, World of books, Literature, 2008, 448 p. (in Russian).
20. Khveter Uyar. Ashchta es tines?: Povest, kalavsem [Where are you, the sea?: Stories]. Cheboksary, Chuvash book publishing house, 2007, 255 p. (In Chuvash).
21. Shakespeare W. Sonety na angliyskom yazyke s parrallelnym russkim tekstom [Sonnets. In English with parallel Russian text]. Moscow, Raduga Press, 1984, 368 p. (In Russian-English).
22. Shukshin V.M. Raskazy. Povesti. [Stories]. Moscow, drofa Press, 2003, 464 p. (In Russian).
23. Maugham S. The Moon and Sixpence / Somerset Maugham. – Moscow: Progress Publishers, 1972. 240 p.
24. The Best American Essays of the Century. Edited by Joyce Carol Oats. Houghton Mifflin Company, 2000. 596 p.
25. 50 Great Short Stories. Edited by Milton Crane. Bantam Dell. A Division of Random House, Inc., 2005. 571 p.

Received 28.04.2020

Shpareva G.I., postgraduate student, Senior lecturer at Department of Foreign Languages No. 2
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov
15, Moskovsky Prospect, Cheboksary, Russia, 428015
E-mail: galshpareva@gmail.com